

Эшли Одрейн

ТЫ ЗНАЛА

Суперхит 2021 года!

(He) преступление

Эшли Эшли Одрейн
Ты знала

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44

Эшли Одрейн Э. О.

Ты знала / Э. О. Эшли Одрейн — «Издательство АСТ»,
2021 — ((Не) преступление)

ISBN 978-5-17-122385-4

Блайт всегда мечтала стать идеальной матерью, которой не было у нее самой... Поэтому появление на свет дочери Вайолет стало для нее подарком. Но очень скоро долгожданное материнство превращается в настоящее испытание, и в Блайт с каждым днем растет уверенность: с ее дочерью что-то не так. Девочка не по возрасту хитра и умеет манипулировать окружающими. Все вокруг считают тревоги и страхи Блайт пустыми, а ее муж даже не пытается подвергать слова дочери сомнениям. Однако, кажется, в их семье все меняется к лучшему с рождением второго ребенка, крошки Сэма. Вайолет искренне любит брата... или, по крайней мере, делает вид, что любит. И только Блайт не отпускают жуткие подозрения: что произойдет, если однажды Вайолет покажет свое истинное лицо?..

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-122385-4

© Эшли Одрейн Э. О., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	19
Глава 9	20
Глава 10	23
Глава 11	24
Глава 12	25
Глава 13	27
Глава 14	28
Глава 15	30
Глава 16	31
Глава 17	32
Глава 18	34
Глава 19	35
Глава 20	36
Глава 21	39
Глава 22	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эшли Одрейн Ты знала

Посвящается
Оскар и Уэверли

Считается, что первый звук, который мы слышим, находясь в утробе, – сердцебиение матери. На самом деле первый звук, вибрацией проходящий через наши едва оформившийся слуховой аппарат, – пульсация материнской крови при проходе по венам и артериям. Мы вибрируем под этот первородный ритм еще до того, как у нас появляются уши. До зачатия мы существовали в виде яйцеклетки в яичниках матери. Все яйцеклетки, произведенные женщиной, формируются в ее яичниках, когда она сама является четырехмесячным зародышем в утробе ее матери. То есть, наши клетки начинают свою жизнь в утробе наших бабушек. Каждая из нас проводит пять месяцев в утробе бабушки, а та, в свою очередь, сформировалась в утробе ее бабушки. Мы вибрируем под ритм крови матери еще до ее рождения...

Лэйн Редмонд. Когда барабаниками были женщины

© Ashley Audrain Creative Inc., 2021

© Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Окна твоего дома сияют, словно внутри пожар.

Занавески из дорогого льна настолько прозрачные, что я могу определить, в каком ты настроении. С улицы видно все: девочка встряхивает волосами, заканчивая домашнее задание, малыш подбрасывает теннисные мячики под потолок, твоя жена ходит в леггинсах по гостиной, наводя порядок. Игрушки – в корзину, подушки – на диван.

Сегодня вы не стали зашторивать окна – наверное, решили полюбоваться на снегопад. Вдруг твоя дочь увидит рождественского оленя? Она давно перестала верить в Санту, но ради тебя готова притвориться. Для тебя – все что угодно.

В честь праздника вы принарядились. Дети в одинаковых клетчатых рубашках сидят на кожаном диванчике, твоя жена фотографирует их на телефон. Девочка держит мальчика за руку. Ты на заднем плане возишься с проигрывателем; твоя жена обращается к тебе, но ты останавливаешь ее предостерегающим жестом – почти получилось. Девочка спрыгивает с дивана, твоя жена подхватывает малыша, они кружатся. Ты поднимаешь стакан, делаешь глоток виски и на цыпочках отходишь от проигрывателя, словно от спящего младенца. Вы принимаетесь танцевать. Ты берешь сына на руки; он запрокидывает голову, ты в шутку наклоняешь его чуть не до пола. Твоя дочь тянется к тебе за поцелуем. Твоя жена, забрав у тебя бокал, подходит к елке, поправляет электрическую гирлянду. Вы замираете, наклоняетесь друг к другу, хором выкрикиваете какое-то слово и продолжаете танцевать – песня хорошо вам знакома. Твоя жена выходит из комнаты, сын невольно провожает ее взглядом. Я помню, каково это – быть нужной.

Спички. Она зажигает свечи на каминной полке, украшенной пихтовыми ветвями. Они наверняка настоящие, пахнут смолой и лесом. Представляю, как эти сучья пылают в ночи, а свет внутри дома превращается из теплого масляно-желтого в жаркий трескучий красный.

Малыш схватил кочергу. Девочка забрала ее до того, как вы с женой успели заметить. Хорошая сестра. Помощница. Защитница.

Обычно я не наблюдаю за вами так долго, но сегодня вы очень красивые, и я просто не могу заставить себя уйти. Идет снег. Он будет хорошо лепиться. Утром девочка слепит из него

снеговика, чтобы порадовать брата. Я выключаю дворники, регулирую температуру в салоне. На дисплее электронных часов появилась новая цифра: семь тридцать. Раньше в это время ты читал ей «Полярный экспресс».

Твоя жена сидит в кресле и наблюдает, как вы скачете по комнате. Она смеется, поправляет длинные кудри, принимает к твоему напитку, отставляет бокал и улыбается. Ты стоишь к ней спиной и не видишь, а я вижу. Она кладет руку на живот, чуть заметно гладит его, опускает взгляд, думая о жизни, растущей внутри. Это просто сгусток клеток, но для нее нет ничего важнее. Ты оборачиваешься, и она возвращается к реальности, к тем, кого любит.

Она сообщит тебе завтра утром.

Я хорошо ее знаю.

Отвлекаюсь, чтобы надеть перчатки, а когда поднимаю взгляд, девочка стоит на пороге, в круге света от фонаря. У нее в руках тарелка с морковкой и печеньем. Ты оставишь крошки на полу в коридоре. Ты подыгрываешь ей, а она тебе.

Девочка смотрит на меня. Ее пробирает дрожь: на улице холодно. Платье, купленное твоей женой, ей тесновато. У нее раздаются бедра, появляется грудь. Она поправляет волосы жестом взрослой женщины.

Впервые мне кажется, что наша дочь похожа на меня.

Я опускаю стекло, поднимаю руку в приветствии. Она ставит тарелку на крыльцо, оглядывается напоследок и уходит в дом, к семье. Я жду, что ты задернешь шторы и выйдешь на улицу – выяснить, какого черта я делаю у твоего дома в канун Рождества. Что сказать? Что мне стало одиноко? Что я скучаю по ней? Что это я должна занимать место жены и матери в твоём ярко освещённом доме?

Она вприпрыжку возвращается в гостиную. Ты уговариваешь жену подняться с кресла. Пока вы танцуете, тесно прижавшись друг к другу, наша дочь берет мальчика за руку и подводит к окну. Совсем как актриса, занимающая самое выигрышное место на сцене. Оконный переплет окаймляет две фигурки, словно рама.

Мальчик похож на Сэма. У него такие же глаза и темные локоны. Я любила наматывать их на палец.

Меня мутит.

Наша дочь смотрит в окно, на меня, положив руки мальчику на плечи. Наклоняется, целует его в щеку. Еще раз и еще. Мальшу это нравится, он привык к ласке. Он указывает на падающий снег, а она, не сводя с меня глаз, истинно материнским жестом растирает ему плечи, будто пытается согреть.

Тыходишь к окну, присаживаешься на корточки рядом с мальчиком. Моя машина не привлекает твоего внимания. Ты проводишь пальцем по стеклу, рассказываешь сыну о санях и олене. Он вглядывается в темное небо, пытается их разглядеть, ты щекочешь его под подбородком. Наша дочь по-прежнему смотрит на меня. Я судорожно сглатываю и в конце концов отвожу глаза. Она всегда выигрывает.

Оглядываюсь: она по-прежнему наблюдает за машиной.

Моя первая мысль – сейчас наша дочь задернет занавески, но она просто стоит и смотрит. На сей раз я не отвожу взгляд. Я поднимаю стопку бумаги, лежащую на пассажирском сиденье, и чувствую тяжесть своих слов.

Я пришла, чтобы отдать ее тебе.

Это моя версия истории.

Глава 1

Ты перевернул стул и постучал по моему учебнику кончиком карандаша. Я смотрела на страницу, не решаясь поднять взгляд. «Слушаю», – сказала я, словно отвечала на телефонный звонок. Это тебя рассмешило. Так мы и сидели, хихикая, в студенческой библиотеке; выяснилось, мы оба изучаем один и тот же факультативный предмет. На лекциях присутствовало не меньше сотни студентов – раньше я тебя не замечала. Кудри упали тебе на глаза, ты отвел их карандашом. У тебя оказалось необычное имя. После занятий ты проводил меня до дома; всю дорогу мы молчали. Ты явно был очарован и все время улыбался. Никто никогда так мной не интересовался. На пороге общежития ты поцеловал мне руку, и мы снова расхохотались.

Скоро нам исполнилось двадцать один. Мы с тобой были неразлучны. До выпуска оставалось меньше года. Мы спали вдвоем на моей узкой кровати, читали учебники, расположившись на противоположных концах дивана, ходили в бар с твоими друзьями, но всегда сбегали пораньше – в постель, чтобы поскорее насладиться теплом наших тел. Я почти не пила, а ты уже устал от вечеринок – тебя интересовала только я. Никто из моего окружения не возражал. У меня было мало друзей – так, скорее знакомые. Я занималась в основном учебной, чтобы не лишиться стипендии, поэтому не имела ни времени, ни желания участвовать в студенческой жизни. Пожалуй, до тебя я ни с кем близко не сходилась. Ты предложил мне нечто иное: мы покинули социальную орбиту и счастливо сосуществовали вдвоем.

Обретя с тобой покой и поддержку, я полностью в тебе растворилась. Когда мы познакомились, у меня ничего не было, поэтому ты с легкостью стал для меня всем. «С легкостью» не значит «незаслуженно». Ты был добрым, чутким, участливым. Когда я поделилась с тобой своей мечтой стать писателем, ты сказал: «Никем другим тебя не представляю». Я с удовлетворением замечала ревнивые взгляды других девушек. Ночью я вдыхала запах твоих мягких темных волос, а утром будила, водя пальцем по небритому подбородку. Ты был для меня как наркотик.

На мой день рождения ты составил список из ста пунктов, за что меня любишь. *14. Люблю, как ты тихонько похрапываешь во сне. 27. Люблю твой красивый почерк. 39. Люблю чертить пальцем свое имя у тебя на спине. 59. Люблю есть с тобой один пончик на двоих по дороге на занятия. 80. Люблю наблюдать, как ты заканчиваешь читать хорошую книгу и потом прижимаешь ее к груди. 92. Уверен, однажды ты станешь хорошей матерью.*

– С чего ты взял, что я стану хорошей матерью? – Я отложила список. На мгновение мне показалось, что ты вообще меня не знаешь.

– А почему нет? – Ты игриво ткнул меня пальцем в живот. – Ты же такая заботливая и милая. Жду не дождусь, когда мы с тобой заведем детишек.

Мне ничего не оставалось, как улыбнуться.

Никогда не встречала столь пылкого человека.

– Однажды ты поймешь, Блайт. Женщины в нашей семье... не такие, как все.

Я до сих пор помню мамину оранжевую помаду на сигаретном фильтре. Пепел, падающий в чашку с остатками апельсинового сока. Запах подгоревшего хлеба.

Ты крайне редко заводил разговор о моей матери, Сесилии. Я поведала тебе следующие факты: (1) она ушла, когда мне было одиннадцать, (2) после этого я виделась с ней всего дважды, (3) мне неизвестно, где она сейчас.

Ты знал, что я не люблю вспоминать о ней, и не расспрашивал – боялся того, что мог услышать. Ничего удивительного. Все мы возлагаем определенные надежды на себя и окружа-

ющих. С материнством то же самое. Каждый надеется получить хорошую мать, жениться на хорошей матери, стать хорошей матерью.

1939–1958

Этта родилась в день, когда началась Вторая мировая война. С самого рождения она была краснощеклой и пухленькой, с глазами цвета Атлантики.

Она влюбилась в знакомого мальчика, сына доктора. Его звали Луи. В отличие от других мальчишек, он был добрым, спокойным и хорошо воспитанным, к тому же его совершенно не волновало, что Этта не отличалась красотой. Луи провожал ее в школу, осторожно придерживая за талию, с первого дня до последнего, а Этта всегда ценила хорошие манеры.

Ее семья владела сотнями акров кукурузных полей. Когда Этте исполнилось восемнадцать, она объявила отцу, что хочет выйти замуж за Луи. Тот настоял, чтобы зять выучился фермерству: у него не было сыновей, и он надеялся передать фамильное дело мужу дочери. Однако Этта подозревала, что отец хочет доказать Луи: земледелие – тяжкий, но достойный труд, не для слабаков, не для умников. Его уязвляло, что Этта выбрала человека, совершенно на него не похожего.

Луи собирался пойти по стопам своего отца и даже получил стипендию в медицинском институте, но женитьба на Этте была для него важнее лицензии доктора. Тесть заставлял его работать до седьмого пота, хотя Этта умоляла оставить мужа в покое. Каждый божий день Луи вставал в четыре утра и до темноты трудился в полях. Как любила вспоминать Этта, он ни разу не проронил ни слова жалобы. Он продал отцовский саквояж и учебники по медицине, а деньги положил в жестянку, стоящую в буфете, – на колледж для будущих детей. Один этот поступок, по мнению Этты, исчерпывающе доказывал, каким бескорыстным человеком был ее муж.

Однажды ранним осенним утром Луи затянуло в силосный комбайн, и он истек кровью прямо на поле. Обнаружив тело, отец Этты послал дочь накрыть его брезентом. Этта принесла отрезанную ногу мужа в амбар и швырнула в отца, когда тот набирал воду в ведро, чтобы смыть кровь с комбайна.

Она не успела сказать родным о ребенке, растущем у нее под сердцем. Этта была крупной женщиной и весила килограмм на тридцать больше положенного, так что о беременности никто не догадался. Четыре месяца спустя, в жестокую снежную бурю, у нее родилась девочка, Сесилия. Тужась на кухонном полу, Этта не сводила глаз с жестянки в буфете.

Они с дочкой тихо жили на ферме и почти не появлялись в городе, а когда все же приезжали, люди начинали перешептываться, что она «страдает нервами». В те дни о таких вещах предпочитали не распространяться. Отец Луи регулярно снабжал мать Этты успокоительными, поэтому Этта целыми днями отдыхала на железной кровати в своей бывшей детской, а за маленькой Сесилией присматривала бабушка.

Однако вскоре Этта поняла, что не найдет мужа, если будет валяться в постели. Постепенно она вернулась к обычной жизни и приняла на себя заботы о Сесилии. Когда Этта вывозила дочь в город в коляске, та отчаянно плакала и звала бабушку. Этта всем рассказывала, что у нее проблемы с пищеварением, она несколько месяцев ничего не ела, поэтому так исхудала. Конечно, никто не верил, но она не обращала внимания на пересуды.

Вскоре Этта познакомилась с Генри. Он недавно приехал в город, ходил в ту же церковь и управлял конфетной фабрикой. С первой минуты знакомства Генри был совершенно очарован – ему вообще нравились дети, а Сесилия оказалась прелестным ребенком, да и Этта, как выяснилось, вовсе не такая ненормальная, как ее описывали.

Вскоре Генри купил дом в стиле Тюдоров в центре города. Этта перестала валяться в кровати, набрала утраченный вес и посвятила себя обустройству семейного гнезда. На крыльце стояли качели, на окнах висели кружевные занавески, каждый день в духовке пек-

лись шоколадные кексы. Как-то раз Этта заказала комплект мебели для гостиной, но его по ошибке привезли не в тот дом, и соседка велела грузчикам нести мебель к себе в подвал. Когда Этта поняла, в чем дело, то побежала по улице вслед за грузовиком прямо в халате и в бигуди, ругаясь на чем свет стоит. Это происшествие вызвало уйму веселья, и даже Этта в итоге расхохоталась.

Она очень старалась поступать так, как от нее ожидали.

Быть хорошей женой, хорошей матерью.

Казалось, все шло прекрасно.

Глава 2

Вот о чем я вспоминаю, когда думаю о начале нашей совместной жизни:

Твои мама и папа. Может, для других это не столь важно, но все вы были для меня семьей. Моей единственной семьей. Твои родители очень хорошо ко мне относились – дарили щедрые подарки, покупали авиабилеты, чтобы я съездила с тобой в теплые края. У них всегда пахло глаженным бельем; мне каждый раз не хотелось покидать их гостеприимный дом. Твоя мама касалась моих волос, и я еле сдерживалась, чтобы не забраться к ней на колени. Иногда мне думалось, что она любит меня так же сильно, как тебя.

Они тактично не расспрашивали меня об отце и не обиделись, когда он отклонил их приглашение на ужин. О Сесилии даже не упоминали; прежде чем нас познакомить, ты предупредил, чтобы они не затрагивали эту тему. (*Блайт замечательная, самая лучшая. Но просто на всякий случай...*) Вы не обсуждали мою мать даже между собой, ведь вам нравилось беседовать лишь о приятном.

Еще бы, вы и сами были безупречны.

Ты называл младшую сестру «золотце», а она тебя боготворила. Каждый вечер звонил родителям; я подслушивала в коридоре, гадая, что такое рассказывает тебе мать, раз ты так хохочешь. Через выходные ездил домой, чтобы помочь отцу по хозяйству. Вы обнимались. Ты присматривал за младшими двоюродными братьями, помнил наизусть мамин рецепт бананового пирога, на каждую годовщину свадьбы дарил родителям открытку. Мои вообще не вспоминали о своей свадьбе.

Когда я отправила отцу сообщение, что в этом году не приеду на День благодарения, он не отозвался. Я сказала тебе: папа рад, что я встречаюсь с хорошим парнем, и поздравляет с праздником тебя и твою семью. На самом деле мы почти год не разговаривали. Общались только через автоответчик, и то лишь пустыми шаблонными фразами; слава богу, ты их не слышал. Сама не знаю, как мы до такого докатились. Пришлось в очередной раз солгать, чтобы ты не заподозрил, насколько у меня все плохо. Семья была для тебя на первом месте, и я боялась, что, узнав правду, ты во мне разочаруешься.

Наша первая квартира. Больше всего ты нравился мне по утрам. Я умилялась, глядя, как ты закутываешься в одеяло с головой, чтобы еще подремать, вдыхала терпкий юношеский запах, оставшийся на подушке. В те дни я вставала рано, до рассвета, и писала на кухне. Там всегда было ужасно холодно, поэтому я куталась в твой халат и пила горячий чай из керамической кружки, которую расписала для тебя на каком-то мастер-классе. Потом, когда полы нагревались, и света, льющегося сквозь жалюзи, становилось достаточно, чтобы разглядеть изгибы моей фигуры, ты звал меня, затаскивал в постель, и мы экспериментировали – ты был смел, уверен в себе и раньше меня понял, на что способно мое тело. Я восхищалась тобой – твоей решительностью, твоим терпением, твоей животной потребностью во мне.

Вечера с Грейс. Она была моей единственной подругой по колледжу, с кем я общалась после выпуска. Я не признавалась, что она мне по душе, ведь ты немного ревновал, что я провожу с ней время, и считал, что мы слишком много пьем, хотя на самом деле мы не так уж тесно общались. Тем не менее в год, когда Грейс ни с кем не встречалась, ты купил цветы на Валентинов день для нас обеих. Примерно раз в месяц я приглашала ее в гости; по дороге с работы ты покупал бутылку хорошего вина, а потом сидел с нами на перевернутом мусорном ведре. Когда общие темы для беседы заканчивались и Грейс доставала сигареты, ты вежливо извинялся и брал в руки книгу. Однажды мы случайно услышали, как ты на балконе разговаривал по теле-

фону с сестрой, пока мы курили в комнате (можешь себе представить?). Твоя сестра рассталась с парнем и первым делом позвонила тебе, старшему брату. Грейс спросила, что с тобой не так. Плох в постели? Дурной характер? Ну не может мужчина быть настолько безупречным. Но я не видела в тебе ни единого недостатка. Тогда я ничего не замечала. Считала, что мне несказанно повезло. И действительно, мне повезло. Я не могла назвать себя богачкой, зато у меня был ты.

Работа. Мы с тобой редко о ней говорили. Я завидовала твоим успехам, и ты об этом знал – ты щепетильно относился к различиям в нашей карьере, в наших доходах. Ты делал деньги, а я предавалась мечтам. После выпуска я так и не устроилась на работу. У меня было несколько маленьких фрилансерских проектов, но ты щедро платил за нас обоих и даже выдал мне кредитную карту: «Используй на свое усмотрение». К тому времени тебя взяли в архитектурную фирму и дважды повысили, а я успела написать всего три рассказа (их так и не опубликовали). Ты уходил на работу, словно на свидание с любимой женщиной.

Раз за разом я получала отказы. Так и должно быть, слава сразу не приходит, утешал меня ты, часто и по-доброму. *Все получится.* Твоя безусловная вера в меня казалась поразительной. Я отчаянно хотела доказать самой себе, что я действительно такая, какой ты меня считаешь. «Почитай, что ты написала сегодня. Ну пожалуйста!» Каждый раз я заставляла тебя умолять, и когда наконец утомленно вздыхала и соглашалась, ты довольно хмыкал себе под нос. Такой у нас был дурацкий ритуал. Не сняв костюма, ты укладывался на диване в гостиной и закрывал глаза. Я читала написанное за день, а ты улыбался наиболее удачным строчкам.

Когда мой рассказ впервые напечатали в толстом журнале, я вручила тебе экземпляр. Твои руки дрожали. Потом я часто вспоминала этот момент: ты мной гордился. Через несколько лет я снова увидела твою дрожащую руку – ты сжимал в ней крошечную влажную ладошку, перепачканную моей кровью.

Но прежде:

В день моего двадцатипятилетия ты сделал мне предложение.

И подарил кольцо, которое я до сих пор иногда надеваю.

Глава 3

Я никогда не спрашивала, понравилось ли тебе мое свадебное платье. Я купила подержанное – увидела его в витрине магазина винтажной одежды и потом, бродя по дорогим бутикам с твоей мамой, думала только о нем. Ты не шептал мне «ты прекрасна», как другие восторженные женихи, потеющие у алтаря и нервно покачивающиеся на каблуках. Ты ни словом не обмолвился о платье, когда мы спрятались за кирпичной стеной в дальнем уголке участка, прежде чем выйти на лужайку, где наши гости пили шампанское, проклинали жару и гадали, когда же принесут закуски. Ты не сводил взгляда с моего раскрасневшегося лица и не отрываясь смотрел мне в глаза.

Какой же ты был красивый! До сих пор помню тебя двадцатипятишестилетнего. Кожа сияла, темные кудри падали на лоб, со щек еще не сошла юношеская пухлость.

Мы весь вечер держались за руки.

Мы почти ничего знали друг о друге и о том, какими станем.

Мы едва могли сосчитать наши проблемы на лепестках маргаритки из букета невесты. Кто мог предположить, что пройдет совсем немного времени и мы затеряемся в поле маргариток?

– Стола для родственников невесты не будет, – вполголоса сказала организатор свадьбы человеку, расставлявшему стулья и именные карточки. Тот молча кивнул.

Твои родители подарили нам свои обручальные кольца в серебряной шкатулке-ракушке, которую презентовал твоей прабабушке ее возлюбленный, не вернувшийся с войны. Внутри было выгравировано его послание: *Вайолет, ты всегда меня найдешь*. «Какое красивое имя», – шепнул ты.

Твоя мама произнесла напутствие: «Когда брак распадается, мы не осознаем происходящего, пока однажды не оказываемся посреди бескрайнего океана и берега не видно. – Она замолчала и взглянула на меня. – Если такое случится, постарайтесь услышать сквозь шум волн, как бьется сердце вашей половинки. Прислушайтесь. Вы всегда найдете друг друга, всегда найдете берег». Она взяла твоего отца за руку, и ты встал, торжественно поднимая бокал.

Ночью мы старательно занимались любовью, потому что так полагалось. Совершенно обессиленные, мы чувствовали, что вступили во взрослую жизнь. Мы получили обручальные кольца, счет за банкет и головную боль от перевозбуждения.

Друг мой, моя вторая половинка, стань спутником моей жизни, в горе и в радости, во все дни. Я люблю тебя, Фокс Коннор, и связываю с тобой свое будущее.

Несколько лет спустя я на глазах у нашей дочери запихнула свадебное платье в багажник и отвезла в тот же самый винтажный магазин, где его купила.

Глава 4

Хорошо помню, как мы жили следующие несколько лет.

Пока не появилась Вайолет.

Вечерами ужинали на диване и смотрели новости с Андерсоном Купером. Ели острую еду из пластиковых контейнеров на мраморном кофейном столике с коварными углами. По выходным в два часа дня наливали себе выпить, потом засыпали и просыпались ближе к вечеру от звуков с улицы – в баре появлялись первые посетители. Занимались любовью. Ходили в парикмахерскую. Я читала в журналах статьи о путешествиях, выбирая места, куда стоит съездить. Бродила по дорогим магазинам с кружкой чего-нибудь горячего. Зимой грела руки итальянскими кожаными перчатками. Ты играл в гольф с друзьями. Я интересовалась политикой! Мы усаживались на диван и наслаждались прикосновениями друг друга. Я любила смотреть кино, чтобы отвлечься от реальности. Жизнь не выглядела столь приземленной. Идеи были ярче, слова приходили легче. Менструации не доставляли хлопот. Ты слушал новую музыку – каких-то певцов, о которых упоминали за бокалом пива старшие коллеги. Мы не пользовались органическим стиральным порошком, поэтому наша одежда пахла отдушкой «горная свежесть». Мы съездили в горы. Ты расспрашивал меня о том, что я пишу. Мне и в голову не приходило думать о других мужчинах. Ты ездил на ужасно непрактичной машине – до первого снегопада. Мечтал завести собаку. Когда мы замечали на улице пса, то останавливались почесать ему шейку. Прогулки в парке были не единственной моей передышкой от хлопот по хозяйству. Мы читали книжки без картинок, не задумывались о вредном влиянии излучения от телевизора и не подозревали, что лучшие игрушки для ребенка – вещи его родителей. Нам казалось, мы хорошо знаем друг друга. Нам казалось, мы хорошо знаем самих себя.

Глава 5

Летом мне исполнилось двадцать семь. На балконе, выходящем в переулок, почти окна в окна с соседним зданием, ютились два потрепанных складных кресла. Гирлянда белых бумажных фонариков подрагивала от зловонного ветерка, поднимающегося с расположенной внизу помойки. Налив нам по бокалу освежающего белого вина, ты предложил: «Давай попробуем. Сегодня».

Мы много раз говорили об этом. Ты радовался, когда я брала на руки чужих детей или присаживалась на корточки, чтобы поиграть с ними. *Это твое*. А я размышляла: какое оно, материнство? Справлюсь ли я? *Тебе идет*.

У меня все будет иначе. Я стану как другие женщины, которым материнство дается легко. Я не похожа на свою мать.

В те дни она почти не посещала мои мысли, а если все же проскальзывала незваной гостьей, я сдувала ее прочь, словно пепел. Тот самый, что падал в мой стакан с апельсиновым соком.

Мы сняли двухкомнатную квартиру в доме с очень медленным лифтом, потому что для коляски лифт просто необходим. Показывали друг другу крошечные модные одежды в витринах, братика и сестричку, держащихся за руки, – легонько подталкивая, без единого слова. Предвкушали. Надеялись. Я начала тщательнее следить за месячными, вычисляла дни овуляции, отмечала их в ежедневнике. Однажды я обнаружила в календаре рядом с днями «О» нарисованные улыбающиеся рожицы. Твоя радость грела мне душу. Я знала, ты станешь замечательным отцом, а я – замечательной матерью твоего ребенка.

Вспоминая прошлое, восхищаюсь собственной уверенностью. Я чувствовала себя не дочерью своей матери, а твоей женой. Ради тебя я уже несколько лет притворялась безупречной. Мне хотелось сделать тебя счастливым и доказать всему миру – я не такая, как моя мать. Поэтому я тоже захотела ребенка.

Глава 6

Эллингтоны жили через три дома от нас. Их лужайка единственная в округе оставалась зеленой целое лето, каким бы знойным оно ни было. Миссис Эллингтон постучалась в нашу дверь почти через семьдесят два часа после ухода Сесилии. Папа храпел на диване, на котором спал каждую ночь весь последний год. К тому времени мне стало ясно – на этот раз мама не вернется. Я проверила комод, ящики в ванной и тайник, где она прятала сигареты: все ее вещи исчезли. К тому времени я уже поняла: расспрашивать папу не имеет смысла.

– Придешь к нам на воскресный обед, Блайт? – Лицо миссис Эллингтон терялось на фоне туго закрученных кудрей, таких блестящих после парикмахерской. Я невольно кивнула этим кудрям и поблагодарила. Потом разыскала свою лучшую одежду – темно-синий джемпер и яркую полосатую водолазку – и загрузила в стиральную машину. Мне хотелось спросить миссис Эллингтон, можно ли папе тоже прийти, однако та была крайне вежливой женщиной, так что я рассудила – если уж она не пригласила папу лично, значит, на то есть веская причина.

Томас Эллингтон-младший был моим лучшим другом. Не помню, когда именно я присвоила ему сей почетный титул, но к тому времени как мне исполнилось десять, он оставался единственным, с кем я соглашалась играть. С девочками моего возраста я чувствовала себя неуютно. Моя жизнь слишком отличалась. У них были игрушечные кухонные плиты, самодельные обручи для волос, красивые гольфы и любящие матери. Я рано поняла, что выделяться из толпы – плохо.

Но с Эллингтонами мне было хорошо.

Миссис Эллингтон пригласила меня не просто так – она каким-то образом узнала, что мама ушла. Мама не позволяла ходить к ним в гости. В один прекрасный день ей взбрело в голову, что я должна быть дома без четверти пять, хотя не очень понятно зачем: плита у нас вечно холодная, а в холодильнике пусто. На ужин мы с папой ели овсянку быстрого приготовления, посыпая коричневым сахаром из пакетиков, – он брал их в кафетерии в больнице, где руководил уборщицами. Папа неплохо зарабатывал, по крайней мере, по местным стандартам. Просто мы жили не по стандартам.

Я знала: если идешь в гости, нужно принести подарок, поэтому нарвала с куста букет гортензий; правда, в конце сентября белые лепестки почти все завяли. Стебли я перевязала резинкой для волос.

– Ты очень заботливая юная леди. – Миссис Эллингтон поместила цветы в синюю вазу и поставила ее в центр стола среди дымящихся блюд.

Младший брат Томаса, Дэниел, меня обожал. После школы, пока Томас делал уроки, мы с Дэниелом играли в паровозики в гостиной. Я делала уроки после восьми, когда Сесилия ложилась спать или задерживалась в городе. Она часто так поступала – уходила на всю ночь и возвращалась только на следующий день, поэтому я приберегала уроки на вечер, чтобы было чем заняться, пока глаза не устанут. Маленький Дэниел меня восхищал. В пять лет он говорил совсем как взрослый и уже умел умножать числа. Мы играли на колючем рыжем ковре, я задавала ему примеры из таблицы умножения и удивлялась, какой он умный. Миссис Эллингтон заглядывала к нам послушать и гладила обоих по голове. *Вот молодцы.*

Томас тоже был умный, только по-другому: он сочинял невероятные истории. Мы записывали их в блокноты, купленные его мамой в местном магазинчике, и рисовали к ним картинки. На каждую книгу уходило несколько недель – мы спорили до хрипоты, что нарисовать, а потом, прежде чем начать, тратили кучу времени, затачивая целую коробку карандашей. Однажды Томас разрешил мне взять себе мою любимую повесть, про семью, в которой добрая красивая мама внезапно заболела очень редкой смертельной ветрянкой. Они поехали в последний отпуск на далекий остров и на пляже встретили крошечного гнома по имени Джордж,

разговаривавшего стихами. Он пообещал исполнить одно желание, если его посадят в чемодан и вернут домой, на другой конец света. Дети согласились, и он прочитал заклинание: *Пусть ваша мама живет долго-долго. Когда станет грустно, произнеси эти строки.* Гном поселился у мамы в кармане, и все жили долго и счастливо. На страницах блокнота я изобразила семью, похожую на Эллингтонов, только с третьим ребенком – девочкой с персиковой кожей, точь-в-точь как у меня.

Однажды утром я обнаружила, что мама сидит на краю моей кровати и листает блокнот, который я старательно прятала в комод.

– Откуда это? – спросила она, не глядя на меня. Блокнот был раскрыт на странице, где я изобразила себя частью черной семьи.

– Я сама сделала. Вместе с Томасом. У него дома.

Я умоляюще протянула руку к своей книге. Мама подняла ее повыше, а потом швырнула в меня, словно написанное внушало ей отвращение. Блокнот попал мне в подбородок и шлепнулся на пол. Я подавленно смотрела на него: мне было стыдно, что я прятала блокнот от мамы и что картинки ей не понравились.

Мама встала и, расправив плечи, вышла из комнаты.

На следующий день я вернула книгу Томасу.

– Почему ты не хочешь держать ее у себя? Ты ведь так ею гордилась. – Миссис Эллингтон взяла блокнот у меня из рук и увидела, что он согнут в нескольких местах. – Ничего. – Она осторожно разгладила обложку и покачала головой в знак того, что отвечать не требуется. – Можешь хранить ее здесь.

Миссис Эллингтон поставила блокнот на книжную полку в гостиной. Уходя, я заметила, что он раскрыт на последней странице, чтобы был виден рисунок – семья из пятерых человек, включая меня, стоит в обнимку, а вокруг улыбающейся мамы нарисовано целое облако сердечек.

На воскресном обеде, на который меня пригласили после маминого ухода, я вызвалась помочь миссис Эллингтон навести порядок на кухне. Она включила магнитофон и, тихонько подпевая, стала убирать со стола. Я исподтишка наблюдала за ней, вытирая тарелки. Миссис Эллингтон надела на руку варежку-прихватку и весело взглянула на меня.

– Мисс Блайт, – сказала она смешным высоким голосом, как будто со мной разговаривает прихватка. – Мы хотим задать всем почетным гостям Послеобеденного ток-шоу Эллингтонов несколько вопросов. Итак, скажите, как вы развлекаетесь? Любите ходить в кино?

Я смущенно хохотнула, толком не понимая, как себя вести.

– Э-э, пожалуй. Иногда. – Я ни разу не была в кино. А еще ни разу не беседовала с говорящей прихваткой. Я опустила взгляд и принялась перебирать тарелки в раковине.

В кухню ворвался Томас с криком:

– Мама опять устраивает ток-шоу!

За ним прибежал Дэниел:

– Спроси, спроси меня о чем-нибудь!

Мистер Эллингтон с любопытством заглянул на кухню.

– Что ж, Дэниел, какое у тебя самое любимое лакомство? Мороженое не считается! – сказала прихватка.

Дэниел запрыгал на месте, обдумывая ответ, а Томас выкрикнул:

– Пирог! Я точно знаю, пирог!

– ПИРОГ! – воскликнула прихватка. – Хорошо, что не ревень! От него меня пучит!

Мальчики зашлись в хохоте. Я смотрела, как они дурачатся. На кухне царила атмосфера непосредственности, легкомыслия, покоя. Никогда не испытывала ничего подобного. Миссис Эллингтон перехватила мой взгляд и поманила меня пальцем. Она надела прихватку мне на руку и заявила:

– Сегодня у нас новый ведущий! Какой сюрприз! – А потом шепнула: – Спроси у мальчиков, что вкуснее – червяки или козявки.

Я захихикала. Она закатила глаза и улыбнулась, словно говоря: «Уж поверь мне, эти глупые мальчишки будут в восторге».

Вечером она проводила меня до дома, чего не делала раньше. Внутри было темно. Миссис Эллингтон подождала, когда я открою дверь, чтобы убедиться, что папины ботинки на месте, а потом достала из кармана книгу про волшебного гнома.

– Наверное, ты захочешь ее вернуть.

Она не ошиблась. Я перелистнула страницы и впервые за вечер вспомнила о маме.

Уходя, миссис Эллингтон произнесла:

– Через неделю в то же время! Если не встретимся раньше.

Думаю, она знала, что мы встретимся.

Глава 7

Я поняла, как только ты кончил. Меня наполнило твое тепло, и с ним пришло знание. Ты, наверное, решил, что я спятила – мы уже несколько месяцев пытались зачать, – но три недели спустя мы оба хохотали как ненормальные на полу в ванной. Все изменилось. Ты даже не пошел на работу, помнишь? Мы смотрели кино в постели и заказывали еду на дом. Нам просто хотелось быть вместе. Ты, я и она. Я точно знала: это девочка.

Я перестала писать: не могла собраться с мыслями, все думала о том, на кого она будет похожа и кем станет.

Я записалась на дородовые курсы. Мы начинали занятие с растяжки, представлялись и называли срок беременности. Я с восторгом предвкушала грядущее, разглядывая в зеркало женские тела во время разминки, столь незначительной, что ее едва ли имело смысл делать. Мой живот пока оставался плоским, и я с нетерпением ожидала, когда она начнет занимать место. Во мне. В мире.

Прогулки по городу приобрели иной смысл. У меня появилась тайна. Я еле сдерживалась, чтобы не шепнуть каждому: *Да-да, я скоро стану матерью. Это мое предназначение.*

Однажды я отправилась в библиотеку и провела несколько часов в отделе «Беременность и роды». Живот только-только начал расти. Мимо прошла женщина, водя пальцем по корешкам в поисках нужной книги. Наконец она взяла с полки потрепанное руководство по улучшению сна.

– Сколько?

– Шесть месяцев. – Она прочитала оглавление и взглянула сперва на мой живот, потом в лицо. – А у вас?

– Двадцать одна неделя. – Мы кивнули друг другу. У нее был такой вид, будто она когда-то сама делала комбучу и посещала утренние занятия фитнесом, а теперь вынуждена довольствоваться картофельным пюре и походами в магазин за подгузниками. – Я еще не задумывалась о сне.

– У вас первый?

Я с улыбкой кивнула.

– А у меня второй. – Женщина продемонстрировала мне книгу. – Если решите проблемы со сном, все будет в порядке. Сон – самое главное. В первый раз я этот момент упустила.

Я улыбнулась и поблагодарила за совет. Библиотеку огласил детский вопль. Женщина вздохнула.

– Это мой. – Она неопределенно указала через плечо, взяла с полки второй экземпляр той же книги и вручила мне. На ее руках красовались яркие пятна от фломастеров. – Удачи.

Моя собеседница пошла прочь: широкие бедра, волосы до плеч, слежавшиеся от сна, крохи которого ей все-таки удалось урвать. Эта женщина представлялась мне воплощением материнства. Оно сквозило в ее взгляде, в движениях. Когда это превращение произойдет и со мной? Какой я стану?

Глава 8

– Фокс, посмотри.

С тех пор как мы сообщили твоей маме о ребенке, это была уже третья коробка. Твоя мама не скрывала восторга и каждую неделю справлялась по телефону, как я себя чувствую. В коробке лежали пеленки с рисунком, вязаные чепчики и крошечные белые пижамки. На дне – сверток с надписью «Детские вещички Фокса»: потрепанный медвежонок с глазами-пуговицами, ветхое одеяльце с некогда белым шелковым кантом, фарфоровая статуэтка в виде мальчика, сидящего на месяце (на ней золотом выгравировано твое имя). Я поднесла медвежонка к лицу, вдохнула его запах, потом протянула тебе. Ты пустился в воспоминания. Я рассеянно слушала, мысленно вороша прошлое в поисках таких вот безделушек, одеял, игрушек, любимых книг, – и ничего не находила.

– Как думаешь, мы справимся? – спросила я за ужином, вода вилок по тарелке. Во время беременности меня мучило от мяса.

– С чем?

– С родительством. С воспитанием ребенка.

Ты улыбнулся и подцепил вилок кусок мяса с моей тарелки.

– Из тебя выйдет отличная мать, Блайт. Самая лучшая. – Ты пальцем нарисовал мне сердечко на тыльной стороне ладони.

– Понимаешь, моя мама... она... меня бросила. Она совсем не такая, как твоя.

– Знаю.

Ты мог взять меня за руку, заглянуть в глаза и предложить поговорить об этом, но вместо этого лишь молча забрал мою тарелку и отнес в раковину.

– Ты не такая, – наконец произнес ты и обнял меня со спины. А потом, с неожиданным негодованием, добавил: – Ты совсем не такая.

Я поверила. Когда веришь, жизнь кажется легче.

Потом мы улеглись на диван. Ты положил ладони мне на живот, будто держал в руках целый мир. Нам нравилось не отрываясь смотреть на мою растянутую кожу, на сине-зеленую сетку вен. Некоторые отцы разговаривают с животом – есть мнение, что младенцы все слышат. Но пока мы ждали, когда наша дочь проявит свое присутствие, ты благоговейно молчал, словно не мог поверить, что она действительно существует.

Глава 9

– Это случится сегодня.

Всю ночь мне чудилось, что постель залита околоплодными водами, а утром ребенок казался необычайно тяжелым и лежал слишком низко. На меня нахлынула волна паники, подталкивая к черте, за которой таился страх, – почти сорок недель беременности я сознательно его избегала. В ожидании, когда закипит чайник, я шептала: *Все в порядке, ничего страшного. Да, у тебя будет ребенок.* Я уселась за кухонный стол и принялась писать эти мантры на листе бумаги.

– Машину я подготовил, – сказал ты. – Буду на телефоне, звони, если что.

Я засунула листок под пластиковую салфетку. Ты поцеловал меня и ушел на работу.

Вечером, в полвосьмого, мы с тобой сидели на полу в спальне. В моих коленях застряли занозы от паркета. Ты держал меня за бедра, а я старалась дышать глубоко и ровно. Мы сто раз тренировались, выполняли все задания, однако я не могла войти в состояние покоя, второе дыхание не открывалось. Ты записывал количество и продолжительность схваток. Я вырвала блокнот из твоих рук и швырнула тебе в лицо.

– Едем немедленно! – Я больше не могла находиться в квартире. Она рвалась наружу, а я удерживала ее внутри. Мое тело сопротивлялось. Я не могла представить, как она выскальзывает из моего чрева, словно из речного устья. У меня никак не получалось настроиться, чтобы исторгнуть ее из себя. Я была зажата и напугана.

Все, что говорили про боль, – чистая правда. Я уже не помню, насколько было больно. Помню понос. Помню, холодную палату. На каталке, увитой рождественской гирляндой, лежали хирургические щипцы. Руки у акушерки были как у дровосека. Она засунула их в меня, чтобы проверить раскрытие; я заскулила, она отвернулась.

– Не хочу, – прошептала я, ни к кому не обращаясь.

Ты стоял рядом и пил воду, которую медсестра принесла для меня. Я не могла сделать ни глотка.

– Чего не хочешь?

– Ребенка.

– В смысле, рожать не хочешь?

– Нет, ребенка не хочу.

– Может, вколем эпидуралку? Тебе не мешает. – Ты повертел головой в поисках акушерки и положил мне на затылок холодное полотенце, придерживая меня за волосы, словно кобылу за гриву.

Я не собиралась принимать медикаменты, мне хотелось прочувствовать роды сполна. *Сделай мне больно*, мысленно обратилась я к ней, *порви все в клочья*. Ты поцеловал меня в лоб, а я отмахнулась, ненавидя тебя за твои ожидания.

Я попросилась в туалет – мне казалось, там будет комфортнее. К тому времени я уже не помнила себя, не могла выполнить даже простое указание. Ты уговорил меня вернуться на родовую кровать. Мои ноги водрузили на подставки. Внизу все жгло. Я потянулась, чтобы потрогать, но кто-то отвел мою руку.

– Твою ж мать.

– Давай, – подбодрил меня врач, – ты можешь.

– Не могу, не хочу, – огрызнулась я.

– Надо тужиться, – спокойно произнес ты.

Я закрыла глаза. Мне хотелось, чтобы произошло что-нибудь ужасное. Смерть. Я желала смерти, своей или ребенка. Тогда мне казалось, кто-то обязательно умрет – или она, или я.

Когда она покинула мое тело, доктор поднес ее к моему лицу, но из-за ослепительно яркого света мне не удалось толком ее разглядеть. Меня трясло от боли. Я сказала, что меня вот-вот стошнит. Ты подошел к доктору, тот повернулся к тебе и произнес: «У вас девочка». Ты положил руку под скользкую головку, осторожно приблизил к лицу и что-то произнес – мне не удалось разобрать, что именно: с первой минуты ее появления на свет вы с ней общались на своем тайном языке. Доктор подхватил ее под живот, словно мокрого котенка, передал акушерке и вернулся к работе. Послед с хлопаньем упал на пол. Врач принялся накладывать швы, а я смотрела на лампу, поражаясь содеянному мной. Теперь я одна из избранных – мать, создательница жизни. Никогда не чувствовала себя настолько живой; от меня едва ли не искры сыпались. Зубы стучали так, что я боялась, вот-вот раскрошатся. Раздался детский вопль. «Ну что, мамочка, готова?» – спросил кто-то. С нее смыли мою кровь, завернули в больничное фланелевое одеяльце и положили мне на грудь. Она напоминала теплый вопящий батон. Нос был весь в желтых пятнышках, покрытые слизью темные глаза глядели прямо на меня.

– Я твоя мама.

Первую ночь в роддоме я не спала. Молча смотрела на нее, отгороженная от всего мира полупрозрачной ширмой, и любовалась ее пальчиками – ровным рядом крошечных горошинок. Я отвернула краешек одеяла, провела пальцем по нежной коже. Она пошевелилась. Надо же, настоящая, живая. Вышла из моего тела. Пахнет мной.

Она отказывалась брать сосок, даже когда акушерка, стиснув мою грудь, словно гамбургер, сунула его ей прямо в рот. Мне сказали, нужно время. Акушерка предложила забрать малышку на ночь, но я отказалась: мне необходимо было смотреть на нее. Я плакала, не замечая слез. Слезинки упали ей на лицо, я вытерла их мизинцем и облизнула его. Меня так и тянуло попробовать на вкус эти пальчики, кончики ушек. Тело онемело от обезболивающих, а внутри все горело от окситоцина. Это чувство называют любовью, но я испытывала скорее восторг, словно при виде чуда. Я не думала о том, что будет, когда мы вернемся домой, не строила планов, как стану растить ее, меня не волновало, кем она вырастет. Мне просто хотелось быть с ней наедине, чувствовать каждое биение маленького сердца.

В глубине души я знала: этот момент больше не повторится.

1962

Этта включила воду, чтобы вымыть спутанную шевелюру Сесилии. Девочке уже исполнилось пять, и ее нечасто удавалось заставить причесаться.

– Наклонись назад, – велела Этта и резко дернула дочь за волосы. Она пригнула ее голову сильнее, так что лицо Сесилии оказалось прямо под струей холодной воды. Девочка пыталась глотнуть воздуха, сопротивлялась. Наконец ей удалось вырваться из костлявых пальцев. Она с трудом перевела дыхание, не понимая, что происходит. Этта с непроницаемым лицом смотрела на нее. Сесилия поняла, что мать с ней не закончила.

Этта схватила ее за уши и вновь сунула под кран. Вода залилась в рот и ноздри. Сесилия начала терять сознание.

Этта отпустила ее, выдернула затычку из ванны и ушла.

Во время борьбы Сесилия обкакалась. Она так и сидела в ванне, дрожащая, грязная и мокрая, пока не уснула.

Когда она проснулась, Этта уже легла спать, а Генри смотрел телевизор в гостиной и ужинал разогретым ростбифом.

Сесилия накинула на плечи полотенце и спустилась вниз. Не переставая жевать, Генри поинтересовался, почему она не в постели, ведь уже почти полночь. Сесилия ответила, что описалась.

Генри помрачнел. Он взял девочку на руки и отнес к Этте. От нее дурно пахло, но отчим ни словом об этом не обмолвился.

– Дорогая, – ласково потряс он жену за плечо, – ты не могла бы сменить Сесилии белье? Она описалась.

Сесилия затаила дыхание.

Этта крепко взяла дочь за руку, отвела в детскую, натянула на нее ночную рубашку и усадила на кровать. С замиранием сердца Сесилия слушала, как на лестнице стихают шаги отца. Она всегда прислушивалась к его шагам – в присутствии Генри настроение матери моментально менялось.

Не вымолвив ни слова, Этта вышла из комнаты.

Сесилия поняла – солгав, она поступила правильно: то, что произошло, должно остаться между ней и матерью.

В течение следующих нескольких лет Сесилия замечала у Этты симптомы «нервного расстройства». Иногда она без объяснений не пускала дочь домой после школы: двери оказывались заперты, шторы задернуты, изнутри доносились звуки радио или шум воды из-под крана. Тогда Сесилия шла на Мейн-стрит и бродила по магазинам, разглядывая вещи, которые ее мать когда-то любила, но уже давно не покупала, например душистое мыло или шоколад с мятным вкусом.

Когда темнело, Сесилия возвращалась домой, надеясь, что Генри уже вернулся с работы. Она говорила ему, что ходила в библиотеку, а он гладил ее по голове и отвечал, что такими темпами она станет лучшей ученицей в классе. Этта не обращала на нее ни малейшего внимания.

Иногда Сесилия спускалась утром на завтрак, а Этта сидела за кухонным столом, бледная как полотно, будто не спала всю ночь. Сесилия понятия не имела, чем Этта занималась по ночам, но в такие дни она казалась особенно отстраненной. Моя мать сидела тише воды ниже травы, пока на лестнице не раздавались шаги Генри.

Глава 10

– Ты нервничаешь, и она это чувствует, – заявил ты.

Наша дочь кричала пять с половиной часов. Четыре из них я кричала вместе с ней. Я заставила тебя найти в книжке о младенцах описание колик.

– Больше чем три часа в день, в течение трех дней в неделю, в течение трех недель.

– Она кричит дольше.

– Ей же всего пять дней от роду.

– В часах дольше, чем три.

– Просто у нее газы.

– Попроси родителей не приезжать. – Я чувствовала, что не выдержу две рождественские недели под одной крышей с твоей безупречной матерью. Она постоянно звонила и каждый разговор начинала с фразы: *Знаю, в нынешние времена все по-другому, но, поверь мне...* Давайте укропную воду. Ту же пеленайте. Добавляйте в бутылочку со смесью немного рисовой каши.

– Они помогут, любимая. Нам всем станет заметно легче. – Тебе хотелось, чтобы рядом была твоя мать.

– У меня еще кровь идет, я пахну как труп, даже футболку не могу надеть, так грудь болит. Сжался надо мной, Фокс.

– Вечером позвоню им.

– Можешь взять ее?

– Давай. Поспи.

– Ребенок меня ненавидит.

– Ш-ш-ш, тише.

Меня предупреждали: в первые дни будет тяжело. Мне говорили о грудях как булыжники, о непрерывном кормлении, о молокоотсосе. Я прочитала все книги, провела настоящее исследование. Никто не упомянул о том, каково это – просыпаться через сорок минут хрупкого сна на запачканных кровью простынях, страшать грядущего. Я боялась, что не переживу. Не оправлюсь от того, что промежность зашита от ануса до вагины. Не вынесу натиска детских беззубых десен, терзающих соски хуже бритвы. Наверное, я единственная мать, которая не в состоянии функционировать от недосыпа, которая смотрит на свою дочь и думает: *Прошу тебя, сгинь, исчезни.*

Вайолет плакала только у меня на руках. Я воспринимала это как предательство.

По идее мы должны были любить друг друга.

Глава 11

Уночной сиделки оказались нежнейшие руки. Спокойная и большая, она пахла апельсинами и лаком для волос и едва помещалась в кресле-качалке.

Я устала.

Каждая молодая мама через это проходит, Блайт. Понимаю, тебе сейчас нелегко. Уж я-то помню.

Видимо, твоя мама все-таки беспокоилась, потому что, не посоветовавшись с нами, наняла ночную сиделку и оплатила ее услуги. Прошло уже три недели, но малышка спала не дольше полутора часов подряд. Единственное, чего ей хотелось, – есть и плакать. Мои соски были объедены чуть ли не до мяса.

Ты вряд ли видел сиделку, потому что засыпал еще до ее прихода. Она приносила мне ребенка каждые три часа, минута в минуту. Я слышала ее тяжелые шаги, выныривала из благословенных глубин сна и, не открывая глаз, доставала грудь. Закончив кормление, я возвращала девочку, сиделка уносила ее в детскую, дожидалась, пока та срыгнет, меняла подгузник и укладывала в плетеную колыбельку. Хотя мы едва обменялись парой фраз, эта женщина мне нравилась. Я нуждалась в ней. Она приходила несколько недель, пока твоя мама не сказала по телефону, деликатно, но твердо: «Милая, прошел месяц. Ты должна научиться справляться самостоятельно».

В свою последнюю смену сиделка принесла ребенка для утреннего кормления, однако не ушла, как обычно. Ты храпел рядом.

– Она просто чудо, правда? – Я повернулась, чтобы облегчить боль от геморроя, и поднесла сосок к ротику дочери. Я не была уверена в правдивости своих слов, но разве может молодая мать сказать иначе про теплое розовое тельце, приведенное ею в мир?

Сиделка молча смотрела на Вайолет и мой большой коричневый сосок. Нам никак не удавалось с ним справиться. Молоко брызнуло малышке в лицо.

– Вы думаете, она хорошая? – Я вздрогнула: моя дочь все-таки совладала с соском. Сиделка сделала шаг назад и окинула нас задумчивым взглядом, подбирая слова.

– Порой она открывает глаза и смотрит прямо на меня, будто... – Она покачала головой и вздохнула.

– Вайолет любопытная и наблюдательная, – повторила я эпитеты, подслушанные у других матерей.

Сиделка молча посмотрела на нас, потом, выдержав чересчур долгую паузу, кивнула, словно хотела что-то сказать, но так и не решилась. Когда Вайолет наелась, она похлопала меня по плечу и отнесла ее в кроватку. Больше я эту женщину не видела.

Запах лака для волос еще пару недель не выветривался из детской. Тебя это раздражало, а я иногда приходила туда лишь ради него.

Глава 12

Месяц с ночной сиделкой пошел нам на пользу. Мы с Вайолет выбрались из тумана и наладили режим. На нем я и сосредоточилась. Наш день начинался с твоим уходом на работу и заканчивался с твоим возвращением. Все, что от меня требовалось, – поддерживать ее жизнь. Один день – одно дело, такая у меня была цель. Поход за продуктами. Визит к врачу. Купить новые ползунки (предыдущие она не носила и в результате из них выросла). Кофе и маффин. Я сидела на холоде в парке, грызла печенье с отрубями и смотрела на Вайолет, закутанную в зимний комбинезончик, ожидая, когда она уснет.

У меня было несколько знакомых с родовых курсов, которые родили примерно одновременно со мной. Я не очень хорошо их знала, но мой адрес электронной почты оказался в их списке рассылки. Они часто приглашали меня погулять или пообедать где-нибудь, где уместятся все наши коляски. Тебе нравилось, когда я с ними встречалась, – ты радовался, что я веду себя, как другие мамы. Я ходила на эти встречи в основном ради тебя, чтобы доказать свою нормальность.

День за днем мы обсуждали одно и то же. Как, когда и где дети спят, когда, что и сколько едят, планы по переходу на прикорм, ясли или няня, хитроумные приспособления, без которых жизнь не в радость... Потом для чьего-нибудь ребенка наступало время сна, а спал он только дома в колыбельке. Поэтому, чтобы не нарушать с трудом установленный режим, мы расходились по домам. Иногда, когда счет уже был оплачен, я набиралась смелости и говорила то, что думаю.

– Временами с ребенком ужасно тяжело, – закидывала я удочку.

– Пожалуй, зато какая радость видеть поутру это маленькое личико! Сразу забываешь о трудностях.

Я пристально смотрела женщинам в глаза, пытаюсь вычислить ложь. Ни одна не раскололась, не дала слабинку.

– Это точно, – соглашалась я. И все же, глядя на Вайолет по дороге домой, удивлялась, почему мне не кажется, будто она – лучшее, что есть в моей жизни.

Как-то раз, уже перестав встречаться с теми мамочками, я проходила мимо кафе. За стойкой у окна сидела женщина и смотрела на своего младенца. Ему было месяца три или четыре, чуть меньше, чем Вайолет. Тонкие бледные губы женщины не двигались, не произносили обычных заверений: *Ты мамин мальчик, ты мой мальш, ты такой сладкий*. Она слегка поворачивала ребенка из стороны в сторону, словно разглядывала глиняную куклу в поисках изъянов.

Я остановилась, надеясь заметить на лице матери любовь или сожаление. Мне представилось, какой была ее жизнь, прежде чем ребенок вынудил ее выбирать между захлавленной неубранной квартирой, пропахшей кислым молоком, и стойкой у окна в пустом кафе.

Я вошла внутрь, взяла латте, лишь бы что-нибудь заказать, и устроилась на табурете рядом с ней. Вайолет спала; я легонько потряхивала коляску, чтобы не разбудить. Сумка для подгузников соскользнула с ручки, бутылочка упала и покатилась по полу. Я подняла ее и решила, что не стану вытирать соску. Меня охватило ощущение собственной силы – как и всегда, когда я принимала тайные решения, которые другие матери никогда бы не приняли, например не сразу снимать мокрый подгузник или пропустить ежедневное купание, потому что у меня есть другие дела. Женщина обернулась, мы обменялись взглядами. Мы не улыбнулись друг другу, просто молчаливо сошлись во мнении, что наша жизнь вовсе не такая радужная, как расхваливали. Ее малыш срыгнул, она вытерла ему рот грубой бумажной салфеткой.

– Трудные времена, да? – Я кивнула в сторону ребенка, смотревшего на нее без всякого выражения.

– Говорят, дни тянутся медленно, зато годы летят быстро. – Я перевела взгляд на свою дочь. Она начала пробуждаться и задергала подбородком. – Посмотрим, – спокойно произнесла женщина, словно не верила, что ее чувство времени изменится.

– Некоторые считают материнство своим главным достижением. Не знаю, мне вот не кажется, что я чего-то достигла.

Эта женщина разительно отличалась от моих прежних подруг.

– У вас девочка?

Я назвала имя дочери.

– А это Гарри. Ему пятнадцать недель.

Некоторое время мы молчали. Наконец она сказала:

– Такое ощущение, будто он появился из ниоткуда. Ворвался в мою жизнь, разнося все на своем пути.

– Да уж, – ответила я, глядя на ее младенца, словно тот взрывоопасен. – Мы хотим их, растим в животе, выталкиваем наружу, а они все равно появляются из ниоткуда.

Моя собеседница положила Гарри в коляску, небрежно подоткнула одеяльце. Она по-прежнему не сюсюкала с ребенком; возможно, ей даже в голову не приходило разговаривать с ним таким тоном.

– Увидимся, – сказала она. У меня упало сердце – мне стало ясно, что мы больше не встретимся. Я замялась, пытаюсь придумать тему для разговора, чтобы задержать ее подольше.

– Вы живете по соседству?

– Нет, мы живем на севере города, просто мне назначили здесь встречу.

– Хотите, я дам вам мой номер телефона? – предложила я, краснея. Мне всегда было непросто заводить друзей, но внезапно я представила, как мы обмениваемся сообщениями перед сном, откровенничаем друг с другом, жалуемся на жизнь, – и решилась.

– Э-э, ну ладно. Я запишу, – неохотно ответила она. Я тут же пожалела о своем опрометчивом предложении, но номер все-таки дала.

Она так и не позвонила. Больше я ее не встречала.

Иногда я думаю о той женщине. Может быть, она в конце концов почувствовала, что чего-то достигла. Возможно, теперь она смотрит на Гарри и понимает: она состоялась как мать и вырастила хорошего человека. Мне не дано узнать, каково это.

Глава 13

Ее первая улыбка предназначалась тебе. Это случилось после купания. Ты предположил, что она просто увидела в стеклах твоих очков свое отражение, но мы оба знали: с самого начала ей нужен был только ты. У меня никогда не получалось так ее успокаивать – она крепко-накрепко прижималась к твоей груди и не отпускала, словно хотела в тебе раствориться. Мое тепло, мой запах ничего для нее не значили: они напоминали о материнском сердцебиении и звуках утробы, но в целом я оставалась чужой.

Я слушала, как ты что-то умиротворяюще шепчешь, укачивая ее. Я училась у тебя, пыталась тебе подражать. Ты говорил, у меня просто бзик – я делаю из мухи слона. Она еще младенец, а младенцы не понимают, что такое «не любить».

Мы проводили вместе круглые сутки, и да, она неизбежно сдавалась и засыпала у меня на руках или у груди. Ты все время ставил мне это в пример, словно подтверждая мою неправоту. *Видишь, милая? Просто расслабься, и все будет в порядке.* Я верила тебе. У меня не было выбора. Я водила носом по тонким волоскам, вдыхала ее запах, напоминающий о том, что она появилась из моего чрева и мы когда-то были соединены живой пульсирующей пуповиной. Закрыв глаза, я вспоминала ночь ее рождения, пытаюсь воссоздать связь, возникшую между нами в те первые часы. Я помню, эта связь была еще до потрескавшихся, кровоточащих сосков, полного изнеможения, гложащих сомнений и невыразимого оцепенения.

«Ты отлично справляешься, я тобой горжусь, – иногда шептал ты мне в темноте, пока я кормила. – Вы мои девочки, моя вселенная». – И гладил нас по волосам. Когда ты выходил из комнаты, я плакала. Я не хотела становиться осью, вокруг которой вращаетесь вы оба. Наша совместная жизнь только началась, но мне больше нечего было вам дать. Что я наделала? Зачем хотела ребенка? С чего я взяла, что не стану такой, как моя мать?

Я обдумывала способы вырваться из ловушки. В темноте текло мое молоко, покачивалось кресло, а я мечтала о том, чтобы уложить Вайолет в кроватку и уйти в ночь. Вспоминала, куда положила паспорт. Грезил о сотнях авиарейсов, перечисленных в расписании аэропорта. Прикидывала, сколько наличных можно снять в банкомате за раз. Представляла, как оставлю телефон на тумбочке у кровати. Гадала, как быстро пропадет молоко и грудь перестанет напоминать, что у меня есть ребенок.

От одного предположения, что такое возможно, дрожали руки.

Эти мысли никогда не срывались с моих губ. Обычно матери о таком не думают.

Глава 14

Мне было восемь лет. Поздним вечером я подслушивала из коридора, как мама с папой ссорятся в гостиной.

Раздался звон бьющегося фарфора: не иначе фигурка нарядной дамы с солнечным зонтиком. Понятия не имею, откуда она взялась, – наверное, чей-то свадебный подарок. Сперва родители ругались из-за того, что папа нашел в кармане маминого пальто, потом из-за ее поездок в город, потом из-за какого-то Ленни и наконец из-за меня. Папа заметил, что я стала какая-то тихая и подавленная, и считал, что маме следует уделять мне больше внимания.

– Я ей не нужна, Себ.

– Ты ее мать, Сесилия.

– Без меня ей будет гораздо лучше.

Мама начала всхлипывать, чуть ли не плакать, чего за ней раньше не водилось, несмотря на тонны яда, который они выливали друг на друга во время ежевечерних ссор. Я собралась к себе в комнату – лицо горело, а от маминого голоса сводило живот. Вдруг папа помянул бабушку:

– Ты закончишь, как Этта, – произнес он.

Папа прошел на кухню. Раздался характерный стук – на стойку тяжело опустились два стакана, забулькало виски. Выпивка помогла маме успокоиться. Они оба выдохлись. Мне были хорошо знакомы их привычки – мама доводила себя до изнеможения, папа напивался, чтобы заснуть.

Но сегодня ей хотелось поговорить.

Я села на пол, привалилась спиной к стене и постаралась разобрать ее слова. Фрагменты прошлого навсегда запечатлелись в моей памяти.

Тем вечером папа лег спать с мамой, а такое случалось редко. Утром дверь их комнаты оказалась закрыта. Я сама приготовила завтрак и ушла в школу. Вечером родители не ссорились. Оба вели себя спокойно и предупредительно. Ставя на стол тарелку с пережаренным цыпленком, мама положила ладонь папе на спину. Он поблагодарил ее и назвал «дорогая». Она старалась. Он прощал.

С тех пор я начала регулярно подслушивать разговоры родителей. При упоминании имени Этты мое сердце каждый раз вздрагивало. Затаив дыхание я слушала каждое мамино слово. Я ждала таких вечеров как подарка, хотя мама ничего об этом не знала. Мне отчаянно хотелось узнать, какой она была до того, как у нее появилась я.

Постепенно я начала понимать: каждый из нас несет в себе семена прошлого, а я – часть маминого сада.

1964

Хотя Сесилии было уже семь лет, она не могла заснуть без своей любимой куклы Бет-Энн. Однажды кукла пропала, и Сесилия искала ее повсюду, пытаясь вспомнить, где видела ее в последний раз. Этта сердито позвала ее из кухни. Сесилия поняла: мать недовольна, что она топает наверху, вместо того чтобы ложиться спать.

– Твоя кукла здесь, Сесилия!

У них был подпол для заготовок размером с собачью будку. Этта уже несколько лет ничего не солила, а старые запасы почти закончились. Она стояла на четвереньках у входа в подпол, задом к дочери.

– Она там, внутри. Видимо, ты ее туда закинула.

– Это не я! Ненавижу этот погреб!

– Мне туда не пролезть. Достань ее сама.

Сесилия принялась хныкать, что ей там не нравится, что ночнушка запачкается. Бет-Энн действительно валялась в глубине подпола.

– Нечего ныть. Если тебе нужна кукла, иди и возьми.

Сесилия встала на четвереньки. Этта пихнула ее под зад и толкнула в узкий проем. Девочка заплакала, но ей очень хотелось вернуть Бет-Энн, поэтому она медленно поползла вперед. Вдоль стен стояли банки с заготовками; казалось, над головой смыкается болотная вода, заполняет легкие.

Позади что-то лязгнуло, но погреб был слишком узким, чтобы повернуться. Последний луч света, отражающийся в банках, исчез. Сесилия набрала воздуха в грудь, позвала Этту. С каждым движением камушки больно впивались в колени. Она подалась назад, попыталась пяткой открыть дверь, но та оказалась заперта.

В гостиной зазвонил телефон. Послышались тяжелые шаги Этты. «Алло!» – сказала она. На мгновение стало тихо, потом включился телевизор. Зазвучал знакомый голос ведущего вечерних новостей. Сесилия слышала, как мать разговаривает по телефону. Стоял сентябрь шестьдесят четвертого – как раз опубликовали доклад комиссии Уоррена. Этта, как и все, была потрясена убийством Джона Кеннеди.

Она так и не пришла. Вернувшись домой с ночной смены, Генри выломал дверь и вытащил Сесилию за ноги. Он хотел отправить падчерицу в больницу на осмотр, потому что та еле дышала и не могла сфокусировать взгляд, однако Этта его отговорила.

Пока Сесилия спала, Генри сидел рядом, приложив к ее груди холодное полотенце. Следующим вечером он не пошел на работу. Несколько дней они с Эттой не разговаривали. Генри снял с погреба дверь и перенес оставшиеся банки с соленьями в буфет.

– Эта дверь постоянно заедала, – сказал он и покачал головой.

Через неделю Этта подошла к Сесилии, когда та заканчивала ужинать, и что-то неразборчиво прошептала ей на ухо. Генри был на работе. По радио передавали новости. Сесилии показалось, что Этта сказала: «Я хотела за тобой вернуться», – но она не стала переспрашивать.

Глава 15

Время летит быстро. Наслаждайся каждым мгновением.

Матери говорят о времени так, будто это наша единственная валюта.

Поверить не могу, ей уже шесть месяцев! – щебетали женщины, катая коляски по тротуару. Их младенцы спали под дорогими белыми одеяльцами, посасывая соски. Вайолет же неотрывно глядела на меня, размахивала кулачками, требуя, требуя, требуя. Удивительно, как мы продержались целых шесть месяцев. Как будто шесть лет.

Быть мамой – лучшая работа на свете, не так ли? – заметила доктор, мать троих детей, осматривая Вайолет. Я поведала ей о непроходящем геморрое и о том, что у нас с тобой целую вечность не было секса (я даже не могла вспомнить, когда в последний раз думала о твоём члене). Врач улыбнулась, приподняв брови. *Да-да, понимаю. Правда, я все понимаю*, произнесла она, словно теперь я в негласном клубе избранных. Я не смогла признаться ей, что мне кажется, будто с рождения Вайолет я постарела на сто лет, что каждый час, проведенный вместе, тянется бесконечно, а месяцы ползут мучительно медленно, и я иногда брызгаю в лицо холодной водой, чтобы убедиться, что это все не сон.

Глазом моргнуть не успеешь, как девочки вырастут. Вот увидишь, они мигом превратятся в чудесных девушек. Вайолет росла ужасно медленно. Я не замечала изменений, пока ты не тыкал меня носом. Ты говорил мне, что она выросла из одежды, – ползунки не доходят до живота, а леггинсы едва ли не выше колен, убирал младенческие игрушки и по дороге с работы покупал другие, мигающие и бибикающие, – для тех, кто развивается, учится, думает. А я просто старалась поддерживать ее существование. Я занималась едой, сном и пробиотиками, названия которых мне никак не удавалось запомнить. Все мои силы были сосредоточены на том, чтобы проживать одинаковые дни, валунами накатывающиеся друг на друга.

Глава 16

Ни одна пара не может представить, во что превратятся их отношения спустя год после рождения ребенка. Считается, что супруги должны пройти через все трудности вместе и действовать сообща. Технически мы с тобой действовали сообща. Мы наладили процессы и обеспечивали их выполнение. Наш ребенок был накормлен, выкупан, выгулян, укачан, запеленат, переодет. Ты делал все, что мог. Я занималась с ней в течение дня, но как только ты возвращался с работы, она полностью переключалась на тебя. Ты дарил ей терпение, любовь и ласку – все то, чего она не желала от меня. Я наблюдала за вами и завидовала.

Однако такой дисбаланс имел свою цену. Из наших отношений исчезла легкость, десять лет теплоты сошли на нет. Теперь мое присутствие тебя раздражало. Твое молчаливое неодобрение вселяло тревогу. Чем больше Вайолет получала от тебя, тем меньше доставалось мне.

Мы по-прежнему целовали друг друга при встрече, беседовали за ужином в ресторане, а после, подходя к квартире, к нашему гнезду, которое мы свили вместе, ты обнимал меня за талию. Мы установили определенные ритуалы и свято их соблюдали, однако кое-какие мелочи исчезли. Мы перестали вместе решать кроссворды. Принимая душ, ты больше не оставлял дверь в ванную открытой. Между нами пролегла трещина, заполненная невысказанными обидами.

После рождения дочери ты похорошел еще больше. Твое лицо изменилось, стало теплее, мягче. Когда Вайолет находилась рядом, брови у тебя сами собой приподнимались, рот приоткрывался, как у дурачка. Ты расцвел. Я надеялась, что со мной произойдет то же самое, однако я ожесточилась, лицо стало сердитым и усталым, глаза потухли, щеки побледнели. Я выглядела совсем как моя мать перед ее неожиданным побегом.

Глава 17

В семь месяцев Вайолет наконец-то стала спать больше чем по двадцать минут за раз, и я снова начала писать. Я утаила от тебя этот факт – ты требовал, чтобы я спала вместе с ней, и каждый раз, возвращаясь домой, спрашивал, удалось ли мне поспать. Это единственное, что тебя волновало. Ты желал видеть меня энергичной, внимательной и терпеливой. Ты настаивал, чтобы я набиралась сил и надлежащим образом исполняла свой долг. Раньше я интересовала тебя как человек, мое счастье и мои желания имели значение. Теперь же я превратилась в поставщика услуг. Ты начал воспринимать меня не как самостоятельную личность, а лишь как мать своего ребенка.

Поэтому я лгала тебе – «да, я спала». Так было проще. Я отдыхала, но мой отдых заключался в том, что я работала над рассказом. Слова лились из меня потоком. Не припомню, чтобы мне настолько легко писалось. Я-то думала, будет наоборот – многие писательницы с маленькими детьми жаловались на упадок творческих сил, по крайней мере в первый год, – однако, включая компьютер, я буквально возвращалась к жизни.

Через два часа, как по будильнику, Вайолет просыпалась. Обычно я была глубоко погружена в процесс – и физически, и эмоционально находилась в другом мире. У меня вошло в привычку давать ей поплакать. «Вот только допишу страницу», – обещала я себе, надевая наушники. Часто одна страница превращалась в две, а то и больше; случалось, я писала еще целый час. Когда Вайолет уже заходила от крика, я закрывала ноутбук и спешила к ней, словно только что услышала ее плач. *Привет! Ты уже проснулась! Ну-ка, иди к мамочке!* Не знаю, для кого я разыгрывала это представление. Изнывая от угрызений совести, я пыталась ее успокоить, а она меня отталкивала. Трудно винить ее за то, что она меня отвергала.

Однажды ты вернулся с работы пораньше.

Я не слышала, как ты пришел: Вайолет кричала, а у меня в наушниках играла музыка. Когда ты резко повернул мое кресло, я чуть в обморок не упала. Ты ворвался в детскую, будто там пожар. Затаив дыхание я слушала, как ты ее успокаиваешь. Она билась в истерику.

– Прости, прости меня, – твердил ты, прося прощения за то, что именно я стала ее матерью.

Ты не вынес ее из детской. Я сидела на полу в коридоре, понимая: наши отношения уже не будут прежними. Я предала твое доверие и подтвердила все твои сомнения.

Когда я наконец вошла к вам, ты укачивал ее в кресле-качалке, закрыв глаза и запрокинув голову. Она грызла соску и плакала.

Я приблизилась, чтобы взять ее, но ты предостерегающе поднял руку.

– Какого черта ты себе позволяешь?

Оправдываться не имело смысла. Я ни разу не видела тебя в такой ярости.

Я спряталась в душе и плакала, пока вода в бойлере не остыла.

Когда я вышла, ты жарил яичницу, а Вайолет сидела у тебя на бедре.

– Она просыпается каждый день ровно в три. Я вернулся без пятнадцати пять.

Я смотрела, как ты скребешь лопаткой по сковороде.

– Из-за тебя она плакала час и сорок пять минут.

Я не находила сил поднять взгляд.

– Так происходит каждый день?

– Нет, – твердо ответила я, будто это могло сохранить мое достоинство.

Мы по-прежнему не смотрели друг другу в глаза. Вайолет заволновалась.

– Она хочет есть. Покорми ее.

Ты передал ее мне. Я выполнила твой приказ.

Вечером, в постели, ты отвернулся от меня и произнес, глядя в окно:

– Что с тобой не так?

– Не знаю. Прости.

– Тебе нужно поговорить с доктором.

– Поговорю.

– Я за тебя беспокоюсь.

– Не о чем волноваться.

Я никогда не причиню ей вред, не подвергну опасности.

Спустя годы, когда Вайолет уже нормально спала по ночам, я все равно просыпалась – мне чудился ее плач. Схватившись за сердце, я вспоминала, что натворила. Угрызения совести и необъяснимое удовлетворение от того, что я ее игнорирую. Возбуждение, с которым я писала под смесь музыки и рыданий. Как быстро заполнялись страницы, как трепетало сердце, как стыдно было, когда ты меня разоблачил.

Глава 18

Моя мать не могла находиться в замкнутом пространстве. На пыльных полках пустой кладовой валялся мышиный помет – зверьки наведывались туда за засохшим арахисом и сахарными крошками. На дверях сарая висел замок, вход в подвал был заколочен тремя досками. Сесилия сама забила ржавые гвозди.

Мне было восемь. Изнурительно жарким августовским днем я выбралась из душного дома. Мама сидела во дворе за пластиковым столом и курила. Трава на нашем участке, ороженном ржавой проволоочной сеткой, вся пожелтела от зноя. В воздухе витала гнетущая тишина; казалось, голоса соседей не могут прорваться к нам сквозь удушливый смог. Утром я была в гостях у Эллингтонов, и миссис Эллингтон отправила нас отдохнуть в прохладный подвал. Она принесла нам туда покрывало, вареные яйца и апельсиновый сок в пластиковых стаканчиках с нарисованными шариками, оставшихся с дня рождения Дэниела, и мы играли в пикник. Я спросила маму, нельзя ли мне спуститься в подвал. Можно ведь отодрать доски другим концом молотка, как делал папа, когда чинил крыльцо на прошлой неделе.

– Нет, – резко ответила она. – Не приставай.

– Mamочка, пожалуйста. В подвале так прохладно.

– Не приставай, Блайт. Я тебя предупреждаю.

– Ну пожалуйста. Я умру от жары, и это будет на твоей совести.

Мама ударила меня по лицу, но пальцы лишь скользнули по мокрой от пота щеке. Она вскочила с места и ударила снова, на этот раз кулаком и прямо по губам, сильно и целенаправленно. Выбитый зуб чуть не попал мне в горло. На футболку закапала кровь.

– Это молочный, он и так бы выпал, – равнодушно произнесла она.

Я в оцепенении смотрела на зуб, лежащий у меня на ладони. Мама затушила сигарету о жесткую траву. Ее накрашенные губы недовольно искривились. Прежде она ни разу не поднимала на меня руку и мне не приходилось ощущать тошнотворную смесь стыда, обиды и жалости к себе. Я вернулась в свою комнату, сделала из рекламного буклета веер и улеглась на полу в одних трусах. Через час мама зашла ко мне, забрала буклет, разгладила складки и сказала, что ей нужен купон на покупку куриных бедрышек.

Она села на мою кровать, чего раньше не делала, и откашлялась.

– Когда мне было столько лет, сколько тебе, моя мама очень жестоко обошлась со мной. В подвале. Поэтому я туда не хожу.

Я неподвижно лежала на полу, вспоминая ее рассказы, подслушанные по вечерам. Мои щеки горели от ее тайн. Я смотрела на мамины ноги. Она единственная в округе красила ногти на ногах.

– Почему она жестоко обошлась с тобой?

– У нее были не все дома. – Судя по маминому тону, я могла бы и сама догадаться. Она оторвала купон, снова сделала из буклета веер и отдала мне. Я дотронулась до гладкого ярко-розового ногтя на большом пальце ее ноги, – обычно мне и в голову не приходило прикасаться к маме. Она вздрогнула, но ногу не убрала. Мы обе смотрели на мой палец на ее ноге.

– Извини за зуб, – произнесла она и встала.

Я медленно убрала руку.

– Он все равно шатался.

В первый раз мама сама рассказала мне про Этту. Возможно, потом она об этом пожалела, потому что в последующие недели держалась особенно отчужденно. Но я помню, как хотела к ней прикоснуться, просто быть рядом. Я приходила к ней по утрам и тихонько гладила по щеке, а когда она начинала просыпаться, тут же убегала.

Глава 19

Следующие несколько месяцев я решила не писать, а сосредоточиться на Вайолет.

Доктор не обнаружила у меня симптомов послеродовой депрессии. Я тоже. На приеме мне предложили заполнить анкету:

Волнуетесь ли вы без особой на то причины? *Нет.*

Страшитесь ли вы того, что ранее вас радовало? *Нет.*

Чувствуете ли вы себя настолько несчастной, что не можете спать? *Нет.*

Вы думали о том, чтобы причинить себе вред? *Нет.*

Вы думали о том, чтобы причинить вред ребенку? *Нет.*

Врач посоветовала вернуться к любимым делам, которыми я занималась до рождения ребенка. Например, к написанию рассказов. Я знала, ты плохо отнесешься к такой идее, поэтому солгала, что мне рекомендовали упражнения, прогулки на свежем воздухе и повторный прием через шесть недель. Я начала гулять с Вайолет по утрам. Мы приходили в центр города к твоему офису, около одиннадцати ты спускался к нам выпить кофе. Как только ты появлялся из лифта, Вайолет тут же взвизгивала от восторга. Ты радовался, видя меня довольной и раздурманенной. Нашей дочери почти исполнился год, она стала интересоваться окружающим миром, поэтому я записалась на музыкальные занятия «Мама и малыш» и в бассейн. Ты снова ко мне потеплел – такой я тебе больше нравилась. Теперь мне приходилось еще сильнее доказывать свою состоятельность. Мы все были при деле.

Случались ли у нас счастливые мгновения? Случались. Однажды вечером я включила музыку, отчищая кухню. Все было заляпано едой – грязные пятна на одежде, на лице у Вайолет, на полу. Она смеялась в своем стульчике, пока я танцевала с веником, и вдруг протянула ко мне руки. Я подхватила ее, закружила по кухне. Она запрокинула голову и радостно взвизгнула. Раньше между нами такого не было – непосредственности, легкомыслия, покоя. Миссис Эллингтон и ее прихватка. Оказывается, счастье так близко, стоит лишь протянуть руку, а я вместо этого выискивала изъяны в нашей семье. Я покрывала Вайолет поцелуями. Та отстранилась и удивленно взглянула на меня, – наша дочь привыкла получать ласки лишь от тебя. Она потянулась ко мне мокрыми губами и издала звук «ах-х-х-х».

– Мы стараемся, правда? – шепнула я.

Все это время ты с улыбкой наблюдал за нами из коридора. Мать и дочь на кухне – безупречная картина. Переодевшись, ты налил вина, поцеловал меня в лоб и произнес:

– Думаю, тебе стоит вновь начать писать.

Я прошла испытание, которое ты мне уготовил. Нам отчаянно хотелось, чтобы жизнь наладилась, мы оба надеялись, что это возможно. Я ткнула носом в липкую шейку Вайолет и взяла у тебя бокал.

Глава 20

– Она заговорила, богом клянусь. Ну-ка, повтори. – Ты присел на корточки и пощекотал ее ножки. – Ну, давай: «ма-ма».

– Милый, ей только одиннадцать месяцев. Еще рано. – Я принесла нам с тобой кофе. Мы гуляли в парке. Вокруг было полно семей с детьми: родители, замерзшие и усталые, возились с малышами. Я сочувственно улыбнулась одной из мамочек, сжимающей сопливый носовой платок. – Я целыми днями нахожусь рядом, и она ни разу не говорила.

– Мама, – повторил ты. – Скажи: «Мама».

Вайолет надула губы и неторопливо поковыляла в сторону качелей.

– Ни-и-а-а-х-х.

– Ты все пропустила. Как только ты ушла за кофе, она указала на тебя пальцем и сказала: «Мама, мама». Раза три повторила.

– Вот это да... поразительно. – Ты не стал бы мне лгать, однако в такое трудно было поверить.

Ты посадил Вайолет на качели.

– Надо было снять видео. Жаль, что ты не слышала. – Ты с благоговением взглянул на наше юное дарование, нетерпеливо ерзающее на сиденье, чтобы ты раскачал ее посильнее. Передав тебе стакан с кофе, я привычно засунула руку в задний карман твоих джинсов. Мы вели себя как нормальные молодые родители: убивали воскресное утро в парке и накачивались кофеином.

– Мама!

– Слышишь? – Ты аж подпрыгнул.

– О господи! Да, слышу.

– Вайолет, скажи еще раз!

– Мама!

Расплескивая кофе, я подбежала к ней, сняла с качелей и поцеловала прямо в мокрые губы.

– Да, я твоя мама!

– Мама!

– Я же тебе говорил.

Ты обнял меня за плечи. Мы оба смотрели, как Вайолет качается на качелях. Я делала вид, что хочу пощекотать ее ножки. Она смеялась и повторяла «мама, мама», чтобы увидеть нашу реакцию. Я была очарована. Мы с тобой теснее прижались друг к другу, твоя щетина кольнула мне щеку. Ты повернул меня к себе и поцеловал, счастливо и беззаботно. Вайолет посмотрела на нас и снова сказала «мама». Кажется, мы простояли так не меньше часа.

По дороге домой она уснула в коляске. Я давно уже не ощущала такую близость с вами и получала искреннее удовольствие. В ногах появилась небывалая легкость, каждый вдох приносил наслаждение.

Ты осторожно перенес Вайолет в кроватку. Я сняла с нее крошечные ботиночки, потом вернулась на кухню, чтобы убрать беспорядок, оставшийся после завтрака, но ты удержал меня, затащил в ванную и включил душ. Облокотившись о раковину, я смотрела, как ты раздеваешься.

– Иди ко мне.

– Прямо сейчас? – Мне представилась засыхающая половинка авокадо, резиновая яичница на сковородке. Мы так давно не прикасались друг к другу.

– Давай же, *мама*.

Только я вошла в душевую кабину, как снизу раздался слабый голос. Вайолет начала просыпаться. Я потянулась к крану, думая, что ты захочешь пойти к ней, прежде чем она заплачется.

– Погоди, мы быстро, – возбужденно прошептал ты. Я послушалась. Голос Вайолет становился все более настойчивым, но ты не останавливался. Ты хотел меня больше, чем ее. С неприятным удивлением я обнаружила, что эта мысль меня заводит. Я прислушивалась к шуму воды, ожидая услышать отчаянный плач дочери. Мне нравилось воображать, что ты ее игнорируешь, точно так же, как делала я. Мы кончили одновременно.

Ты выключил воду. Вайолет молчала, как будто знала, что ты скоро придешь. Ты швырнул мне полотенце, словно однокласснику в раздевалке; раньше тебе нравилось неторопливо вытирать меня насухо, это был наш ритуал. Снизу донесся тихий голос нашей дочери – бессмысленная мешанина звуков. Я представила, как она лежит на спине, задрав ножки. Ты обернул полотенце вокруг бедер, поцеловал меня в голое плечо и отправился к ней.

Пока я убирала остатки завтрака, ты приготовил нам горячие бутерброды с сыром, что-то напевая себе под нос. Вайолет сидела в высоком стуле, дрыгала ножками и раз за разом повторяла в ожидании твоего одобрения: *Мама, мама.*

1968

Этта не всегда была непредсказуемой. Временами она выглядела и вела себя, как полагается матери. Чувствовалось, что для нее это непросто: когда кто-то из соседских мамочек заходил поздороваться или Сесилия просила заплести ей косу, у Этты начинали дрожать руки. Никто ее не осуждал: на самом деле все уже давно сдались, тем не менее она не оставляла попыток вести себя нормально. Иногда у нее получалось, иногда нет, но Сесилия все равно тянулась к ней.

Когда Сесилия была в шестом классе, в школе устроили бал. Ей нечего было надеть – они не ходили в церковь и не приглашали гостей. Сесилия не особенно интересовалась нарядами, однако Этта пообещала сшить для нее красивое платье. Девочка не нашла, что сказать: мать никогда ничего для нее не шила. На следующий день Этта вернулась из магазина тканей и позвала:

– Сесилия, иди-ка взгляни!

Она разложила на кровати выкройки и несколько ярдов темно-желтого хлопка. Сесилия стояла неподвижно, пока Этта измеряла ее худощавую фигуру, столь непохожую на ее собственную. Материнские руки скользили по внутренним сторонам бедер, по тонкой талии, по плечам, но девочке казалось, будто к ней прикасается кто-то чужой. Этта записала мерки на салфетке и объявила, что платье получится сногшибательным.

В чулане пылилась старая швейная машинка, оставшаяся еще от прежних владельцев. Этта поставила ее на кухню и пять ночей шила платье. Пять ночей стрекот старого механизма не давал Сесилии спать. По утрам весь стол был завален булавками и лоскутками. Этта спускалась вниз, прикладывала платье к Сесилии, окидывала ткань мутным взглядом. У нее в кои-то веки появилась цель, а в душе стало меньше места для гнева и скорби.

Рано утром в день бала Этта явилась к Сесилии в комнату с готовым платьем. Ворот и рукава были отделаны шелком, плиссированные складки на подоле идеально отутюжены.

– Ну, как тебе?

– Очень красиво, – от чистого сердца похвалила Сесилия. Это была самая прекрасная вещь, которой ей довелось обладать, и единственная, которую кто-то сделал для нее своими руками. Она представила, как войдет в класс и все девчонки будут завидовать ее наряду.

Сесилия сняла ночную рубашку. Молния у платья оказалась тугой, грубые швы царапали кожу. Ей удалось натянуть платье лишь до талии. Девочка подергала ткань, попыталась подтянуть повыше. Ничего не вышло.

– Надень рукава.

Сесилия согнулась, просунула руки в рукава и попыталась выпрямиться. Послышался звук рвущейся ткани.

– Иди-ка сюда. – Этта принялась втискивать дочь в платье, словно куклу. Безуспешно. Тогда она попробовала надеть платье ей через голову. Сесилия позволяла вертеть и крутить себя как угодно. По лбу Этты текли капли пота, лицо побагровело. Девочка зажмурилась.

Наконец Этта сдалась.

– Ты все равно пойдешь на бал в этом платье.

У Сесилии упало сердце.

Пятнадцать минут спустя она вышла на кухню в своих обычных бежевых брюках и голубой водолазке.

– Возвращайся к себе и надень платье.

– Ты же видела, оно мне не по размеру.

– Еще как по размеру. Поднимайся наверх. Сейчас же.

Сесилия помедлила, не зная, что делать дальше.

– НЕМЕДЛЕННО.

Девочка чувствовала на себе тяжелое дыхание Этты. Она прислушалась, надеясь, что Генри услышит шум и спустится к ним.

– НЕМЕДЛЕННО!

Впервые в жизни Сесилия поняла, что у нее есть власть над матерью. Она может разозлить ее, заставить сорваться. Разумнее всего было бы подняться в комнату и снова попытаться натянуть платье, но ей хотелось узнать, что будет, если она не подчинится.

– СЕСИЛИЯ, ЖИВО!

Этта вся тряслась и кричала: «Живо! Живо!» В ней клокотала ярость. Когда она поняла, что крик больше не действует, на ее лице появилось замешательство.

Много лет спустя Сесилия почувствовала то же самое.

Появился Генри. Он успокоил жену, та налила ему кофе. Сесилия убежала в школу без платья.

Вечером она не приходила домой до темноты, ожидая возвращения отца. Этта даже не взглянула на нее. Поднявшись в комнату, Сесилия обнаружила, что платье исчезло. Несколько минут спустя Этта зашла к ней с желтым свертком в руках. Она села к Сесилии на кровать и развернула платье: ей пришлось распороть швы и вшить дополнительные полосы ткани. Получилось криво, но она старалась.

– Пригодится для следующего бала.

Сесилия провела пальцами по шелковому канту и обняла мать. Этта вся застыла в ее объятиях.

Несколько месяцев спустя Сесилия надела платье на праздник в честь окончания учебного года. Она смущенно сидела в углу спортивного зала, пытаясь казаться незаметной. Вернувшись домой, Сесилия не стала переодеваться. Ни ее мать, ни Генри ни словом не обмолвились о ее наряде. Больше она это платье не надевала.

Глава 21

Праздник был больше для нас, чем для нее. Целый год родительства. Я заказала огромный букет из воздушных шариков пастельных тонов с центральным шариком из фольги в виде единицы, купила бумажные тарелки с зубчатыми краями и пластиковые соломинки в горошек. Твоя мама подарила Вайолет сливочно-желтую хлопковую кофточку и колготки с рюшами на попке. Наша дочь, как утенок, ковыляла по гостиной, что-то лепетала своим гостям, пуская пузыри. За ней, похрустывая коленями, на полусогнутых ногах семенил твой папа, записывая на камеру каждый ее шаг.

Я заказала торт в пекарне, куда часто заходила с Вайолет после прогулок. С ванильной глазурью и радужной посыпкой. Когда я выложила его на поднос, она взвизгнула и захлопала в ладоши, не сводя восхищенного взгляда с огонька свечи.

– Здоово! – сказала она, четче некуда.

– Я все снял! – воскликнул любящий дедушка, торжествуя демонстрируя нам цифровую камеру. Твоя мама бросилась к Вайолет с поцелуями, а твоя сестра, которую мы почти не видели, но которая пролетела пять часов на самолете, чтобы попасть на праздник, зашуршала оберточной бумагой, чтобы ее развеселить. Грейс, пришедшая с бутылкой текилы, резала и накладывала торт. Мы с тобой смотрели на них, сидя в кресле: я устроилась у тебя на коленях, ты обхватил меня обеими руками.

– Мы справились, – прошептал ты и ткнулся носом мне в шею. Я кивнула и сделала глоток пива из твоей бутылки. Вайолет, похожая на перемазанного глазурью ангелочка, восседала в детском стуле, ее окружали восторженные поклонники. Ты снова ткнулся в меня носом. Я сделала еще один глоток и заставила тебя встать.

– Давай сделаем семейное фото.

Мы встали у окна, я взяла Вайолет на руки. Она вела себя на удивление спокойно. Я притянула ее ближе и поцеловала в липкую щеку. Мы улыбнулись; шелкнула вспышка. Ты закричал по-утиному, она захихикала. Я подняла ее над головой, и мы втроем рассмеялись. Как нормальная счастливая семья.

Глава 22

Вскоре после дня рождения Вайолет снова перестала спать по ночам.

Обычно ты не слышал, как она просыпалась, а у меня глаза открывались за несколько секунд до ее пробуждения. То, что мы с ней по-прежнему одно целое, приводило меня в отчаяние. Каждые два часа она требовала бутылочку. Через несколько недель я поставила шесть полных бутылочек прямо у нее в колыбели, надеясь, что она сама возьмет, если захочет. Она ни разу к ним ни притронулась.

Не могу больше, думала я каждый раз, когда она будила меня среди ночи. *Я этого не вынесу.*

Я открывала дверь в детскую, совала ей в руку бутылочку и уходила.

– Разве молоко за ночь не скисает? Это не опасно? – спросил ты, когда узнал, что я делаю.

– Понятия не имею. – Может, и опасно, но меня это не волновало. Мне просто нужно было, чтобы она наелась и уснула.

Так продолжалось несколько месяцев. Я совершенно обессиленна. С самого утра меня мучили головные боли, я не могла связно думать. Из-за беспричинного страха я избегала общаться с другими людьми. Мне не хотелось видеть ни тебя, ни Вайолет. Меня бесило, что ты безмятежно спишь, когда я ночью возвращаюсь в постель. Иногда я нарочно дергала одеяло, надеясь, что ты проснешься.

Я выступила с идеей отдать Вайолет в ясли на несколько дней в неделю. Еще до ее рождения ты высказывался против яслей. Твоя мама растила тебя с сестрой дома до школы, и ты желал своим детям того же. Я соглашалась, искренне и бездумно. Да, я буду действовать как идеальная мать.

Но теперь мое терпение кончилось.

Я нашла неплохие ясли в трех кварталах от нас – осенью там как раз должно появиться свободное место. В Интернете о них только восторженные отзывы, к тому же внутри всюду развешаны камеры, транслирующие в режиме онлайн. Честно говоря, мне всегда было грустно видеть ясельных ребятишек, сидящих в этих длинных колясках, словно яйца в упаковке, когда их везут на прогулку. Зато, по результатам исследований, такие дети более социализированы, стимулированы, физически и психически развиты и так далее, и тому подобное. Каждый раз, наткнувшись на статью про детские сады, я пересылала ее тебе. За ужином я осторожно заводила разговор, подтверждающий внутренний конфликт, который ты так хотел во мне видеть. Может, стоит подтолкнуть Вайолет к дальнейшему развитию? Наверное, уже пора? Пожалуй, все-таки лучше не дома, в смысле, наладить сон и режим? Я старалась выглядеть взволнованной, неуверенной, но мы оба понимали, какой ответ мне нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.